

Народная
книга

Бессмертный ПОЛК

Первый Украинский фронт
Зайнутдинов
Абдул-Разак Зайнутдинович

Мир
Пусть правят и нас
пожелают в мир
здоровья

Народная книга

Коллектив авторов

**Бессмертный полк.
Истории и рассказы**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 94(470/23-25) "1941/44"+821.161.1-94
ББК 63.2(2)+84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Бессмертный полк. Истории и рассказы / Коллектив авторов —
«Издательство АСТ», 2017 — (Народная книга)

ISBN 978-5-17-102085-9

Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moypolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов... Из таких вот историй складывается прошлое, настоящее и будущее России. Сегодня мы представляем вам Книгу Народной Памяти, в которой собрана лишь небольшая часть таких историй. Главные персонажи здесь – простые люди, а авторы – они сами и их потомки... Книга Народной Памяти – это война в лицах и судьбах, это наша с вами история войны. Ваш «Бессмертный полк»

УДК 94(470/23-25) "1941/44"+821.161.1-94
ББК 63.2(2)+84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-102085-9

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
От создателей сборника	8
Роман Сенчин	9
Часть первая	12
На войне как на войне	12
Объяснение в любви	16
Морской конвой и механик Евграфов	23
Ходил в разведку как на работу	33
Командир батареи	41
Предсказание	44
Последний ветеран полка	48
«Как я ходил в партизаны»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Автор-составитель Виктория Шервуд Бессмертный полк. Истории и рассказы. Народная книга

© Авторы, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Руководитель проекта «Народная книга» *Владимир Чернец*

Координатор проекта «Народная книга» *Владимир Гуга*

Интернет-поддержка проекта «Народная книга» *Татьяна Майорова*

Организаторы проекта сердечно благодарят за оказание организационной и информационной поддержки своих партнеров:

Межрегиональное историко-патриотическое движение «Бессмертный полк», Официальный сайт движения «Бессмертный полк», сайт МИПОД «Бессмертный полк»

Межгосударственную телерадиокомпанию «МИР» и лично руководителя Службы интернет-вещания Марию Чегляеву

Штаб «Бессмертного полка» города Маркса Марксовского муниципального района

Газету «Воложка», город Маркс

Движение «Бессмертный полк» в городе Экибастузе (Казахстан)

Городскую газету «Голос Экибастуза» (Казахстан)

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Дмитровская центральная межпоселенческая библиотека» и лично Анну Шахову

Межрегиональный некоммерческий интернет-проект «Подвигу жить в веках!»

Фонд памяти полководцев Победы и ее председателя Наталью Ивановну Коневу

Руководство муниципального образования «Комендантский аэродром» и петербургскую писательницу Альбину Скородумову

Главного редактора газеты «Полезно пенсионерам» Светлану Васильеву

Предисловие

«...Нашла фамилию дедушки в донесении о безвозвратных потерях. Читаю и плачу. Сама от себя такого не ожидала. Я ведь даже фотографии его не видела. Да что я... отец никогда его не видел: дедушка погиб за месяц до рождения сына...» Это строки из письма, которое пришло на почту «Бессмертного полка». И таких историй много. Люди, которые и не думали заниматься поиском, вдруг находят своего фронтовика в паспорте воинского захоронения или в списках «подворного опроса». И приходит понимание, что есть некая невидимая нить, связывающая поколения. Сжимается сердце, словно случилось все это только вчера – война, разруха, голод... Словно все это – часть тебя самого, часть твоей жизни, твоей судьбы.

Одна из важнейших жизненных ценностей – ПАМЯТЬ. Сколько раз ее пытались и пытаются исковеркать.

На одном из полей сражений поисковики подняли погибшего и незахороненного солдата, при нем оказался медальон с фамилией и адресом... Вдове сообщили, в каком бою и когда погиб ее муж. Через много лет она смогла избавиться от клейма жены «без вести пропавшего», то есть «предателя, изменника». Но женщина все эти годы верила, ждала и помнила, что ее муж – герой, защищавший Родину. Страдала от осуждения окружающих, страдали ее дети. Но память оказалась сильнее пропаганды, бюрократии и времени. Сколько таких судеб? Миллионы.

На сайт «Бессмертного полка» приходят сотни фотоотчетов о праздновании 9 Мая. Тысячи фотографий: колонны «Бессмертного полка», люди с цветами и портретами... Но есть и другие снимки: пожилой человек скромно стоит в стороне с выцветшей фотографией в руках, а иногда и фотографии нет, только фамилия, имя и отчество, написанные на листке бумаги. Он словно боится или стесняется присоединиться к общему празднику. Десятилетиями людям вбивалось в голову: «Твой отец пропал без вести, а кто знает, что там было на самом деле?» Нельзя было говорить про «Вяземский котел», про операцию «Марс»... Еще 20–30 лет назад нельзя было писать про войну в Афганистане, «не рекомендовали афишировать» потери в «первой чеченской войне»... Кто знает, может быть, завтра вновь создадут единую для всех историю, в которую вновь не впишутся судьбы миллионов семей. Но сейчас есть возможность найти, нащупать ту самую незримую нить, которая связывает нас с таким далеким и в то же время недавним прошлым. Мы можем воссоздать историю по рассказам наших родных и близких. Еще живых и уже ушедших очевидцев тех событий. Право на личную, семейную ПАМЯТЬ – это благо, которое сегодня есть у нас. Так же, как и возможность поделиться ей с другими.

Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moupolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов... Пройдут десятилетия, представители новых поколений, праправнуки воинов и работников тыла, будут читать эти истории. И кто-то спустя пятьдесят, сто лет вновь напишет: «...Читаю и плачу. Сама от себя такого не ожидала...». Это и есть реальная, не придуманная история семьи. Из таких вот историй складывается прошлое, настоящее и будущее России.

Сегодня мы представляем вам Книгу Народной Памяти, в которой собрана лишь небольшая часть таких историй. Главные персонажи здесь – простые люди, а авторы – они сами и их потомки. Составители сборника сознательно не искали знаменитых артистов, популярных политиков. Главный критерий отбора – жизнь и судьба простого человека: солдата, труженика тыла... Книга Народной Памяти – это война в лицах и судьбах, это наша с вами история войны.

Ваш «Бессмертный полк»

Сергей Лапенков, Сергей Колотовкин и Денис Бевз (Томск), Юрий Пургин, Вячеслав Сметанников и Александр Копейка (Алтайский край), Ксения Карпычева (Благовещенск)

щенск), Светлана Некрасова (Архангельск), Елена Поротикова (Астрахань), Ирина Конева (Белгород), Вячеслав Черепяхин (Волгоград), Максим Толстов (Урюпинск), Юлия Арсеньева (Вологда), Елена Салтыкова (Зима, Иркутская обл.), Сергей Якушев (Калининград), Павел Селезнев (Калуга), Наталья Назарова (Монреаль, Канада), Игорь Вариченко (Петропавловск-Камчатский), Татьяна Думенко (Кемерово), Максим Кутрунов (Прокопьевск), Татьяна Яковчук-Жигулина (Тольятти), Владимир Щербаков (Рязань), Наталья Донских (Сеул, Корея), Сергей Рогов (Горно-Алтайск), Анна Маркова (Кострома), Татьяна Патанина (Красноярск), Сергей Харшин (Ачинск), Андрей Воронцов и Ярослав Фомин (Курган), Евгений Голуб (Ленинградская обл.), Михаил Чураков (Луга), Светлана Иванова (Переславль-Залесский), Вероника Крылова (Москва), Руслан Шабаев (Московская область), Екатерина Игнашева (Мурманская область), Антон Иванов (Рыбинск), Евгений Рожков (Великий Новгород), Ирина Рудковская (Новосибирск), Надежда Рипинская (Орел), Татьяна Богатенкова (Оренбург), Татьяна Артюнина (Псков), Вадим Курилов (Уфа), Владислав Кан-оол (Тува), Всеволод Пименов (Абакан), Анна Отмахова (Пермь), Евгений Головин (Хакасия), Оксана Ачкасова (Чебоксары), Григорий Кунис, Наталья Дмитриева и Игорь Дмитриев (Санкт-Петербург), Олеся Глушкова (Первоуральск), Елена Яценко (Новоуральск), Елена Сухих (Нижний Тагил), Денис Ражин (Лесной, Свердловская область), Александр Дядюк (Ставропольский край), Евгения Тайцай (Кисловодск), Денис Ушаков (Пятигорск), Ольга Ванюшкина (Ульяновск), Иван Коваленко (Симферополь), Андрей Булавинцев (Ялта), Светлана Чуйко (пос. Провидения, Чукотка), Алексей Мирошниченко (Ярославль), Петр Пицко (Брест, Республика Беларусь), Юлия Клинкавич (Республика Казахстан), Алена Смирнова (Кыргызстан), Софья Парфенова (Австрия), Ксения Тимбай и Мария Плотникова (Австралия), Ирина Гончарова (Антверпен, Бельгия), Полина Босилкова (Болгария), Яна Заугарова (Берлин), Бория Зильберберг (Гамбург), Натан Гринберг (Израиль), Игорь Братушка (Кипр), Кристина Бутусова (Дублин, Ирландия), Ефим Тойбин и Марина Иванникова (США), Татьяна Далё (Норвегия), Елена Тимофеева (Пекин, Китай), Марина Федорцова (Джакарта, Индонезия), Анна Мантере (Хельсинки, Финляндия)

От создателей сборника

Дорогие читатели!

С каждым годом все больше участников акции «Бессмертный полк» выходят на улицы, чтобы почтить память своих прошедших через войну героических родных. Этот парад – яркое свидетельство сплоченности и единства нашего народа. Еще одно свидетельство – этот сборник, в создании которого приняли участие самые обычные люди.

Материал книги «Бессмертный полк» собирался с 22 июня по 30 ноября 2016 года. За это время организаторы проекта получили сотни текстов, фотографий, фронтовых писем, оперативных карт, наградных свидетельств, похоронных извещений и других важных документов, свидетельствующих о жизни и подвигах бойцов «Бессмертного полка». Но главное, это человеческие истории. В них – настоящая правда о войне. Правда, ставшая предметом гордости детей, внуков и правнуков победителей. Авторы историй, попавшие в сборник, – люди разных профессий, разного возраста. Еще живы, к счастью, ветераны, которые рассказывают о войне от первого лица. Есть среди них и такие, кто перешагнул столетний рубеж. Но большинство авторов пишут о старшем поколении – родителях, дедах и прадедах. О том, как учились воевать, преодолевали страх, как встречались с врагом лицом к лицу. Как голодали и работали на износ в тылу, как ценой своей жизни спасали других.

Герои книги – мальчишки, которые рвались на фронт, добавляя себе возраст. Семнадцатилетние девчонки, обивавшие пороги военкоматов, чтобы получить возможность защищать Родину. Безвестные труженики тыла, солдаты, пропавшие без вести, даже жертвы культа личности, которые оставались патриотами. Матери, спасавшие своих детей в нечеловеческих условиях. Дети-партизаны, для которых риск стал образом жизни. Дедушки, отправлявшиеся на передовую. Наивные, бесстрашные, романтические, лишенные иллюзий, молодые и старые, наши родные, на долю которых выпало огромное испытание под названием Война. И огромный труд. Без них не было бы нашей страны и нас с вами.

Они уходят от нас в Вечность. Но народная акция «Бессмертный полк» продлевает им жизнь, побуждает нас, потомков, вспоминать о своих родителях, дедах и прадедах, об их славных делах.

К сожалению, объем сборника не позволил включить в него все истории – много достойных текстов осталось за кадром. Все истории «Бессмертного полка», в том числе не вошедшие в сборник, опубликованы на соответствующей странице проекта «Народная книга» на сайте nk.ast.ru.

Спасибо всем партнерам, участникам, читателям проекта «Бессмертный полк. Народная книга»! Но главное – спасибо всем авторам, которые внесли свой вклад в нашу общую историю, в историю «Бессмертного полка». Наш парад продолжается!

Роман Сенчин

Хочу поделиться с вами...

«Бессмертный полк» появился как нельзя вовремя – ветераны, которых, к сожалению, остается всё меньше, видят, что Победа не стирается из народной памяти, не теряет своей великой ценности.

Подобные шествия происходили и раньше, но эпизодически, локально. Тогда ветераны были рядом с нами, они жили в каждом доме, и казалось, что так будет всегда. Но время неумолимо. Несколько лет назад умер последний на планете ветеран Первой мировой, так же в недалеком уже будущем мы проводим последнего ветерана Второй мировой, Великой Отечественной. Но эта война и эта Победа не должны стать событием отдаленного прошлого. И главный способ не сдать их в архив истории – живая память.

Мои родители появились на свет в Сибири во время войны. Мама в 1943-м, отец – в 1944-м. Один мой дед, отец мамы, Павел, был инвалидом – повредил глаз еще в детстве, поэтому на фронт не попал; другой дед, Петр Платонович, оказался в Красноярске в 1942-м или 1943-м с тяжелейшим ранением – осколком была пробита насквозь грудь.

Красноярские госпитали являлись одними из самых восточных в стране, туда направляли в основном тех, кто вряд ли уже встанет в строй.

Моя бабушка, баба Наташа, мама отца, была санитаркой в том госпитале, где лежал Петр Платонович. Там они познакомились, а позже поженились. У них родились двое сыновей... Петр Платонович умер, когда старшему, моему отцу, было 13 лет. Умер от раны: отец запомнил, что каждый день баба Наташа делала деду перевязку – рана так и не заросла...

Откуда он родом, как жил до войны, долго ли воевал, отец не знает: был мал расспрашивать. Позже, уже после смерти бабы Наташи, взрослым мужчиной, корил себя. Да и не принято, говорит теперь, семидесятилетний, было расспрашивать в то время. Дед имел какие-то награды (в то время юбилейных еще не вручали, значит, боевые), ими играли сыновья...

О ранении дед как-то сказал коротко в разговоре не с сыновьями, а с фронтовиками, но отец услышал: «Мина шмякнулась рядом, и – вот...» Осталось несколько фотокарточек, среди которых две, где он в форме, но разобрать звание, род войск – невозможно.

В общем-то типичная история... Только сейчас по-настоящему возникла потребность узнать, найти, собрать. Это стало делом не горстки энтузиастов, а поистине всего народа. Больше части народа, вернее.

Выходят сборники писем с фронта и на фронт, публикуются солдатские дневники, которые, как доказали историки, вести никто не запрещал, но требовалось, конечно, не писать в них военные тайны; публикуются биографии воинов, и не только героев, но и рядовых «рабочих войны».

Героями были, по большому счету, все. И выражение «всенародный подвиг», это правда... Вспоминаю, один свой уже давний разговор с летчиком, ветераном войны. О боевых вылетах, как я его ни пытал, он почти ничего не рассказал, морщился, уходил от этой темы. Зато подробно описал, как ездил на военный завод на Урале за новыми самолетами.

Их группа добралась на поезде, поселилась в гостинице-казарме и стала ждать вылета обратно на фронт. Прошел день, другой, третий... Летчики стали возмущаться: «Когда? Там бои, а мы здесь прохлаждаемся!» Кто-то из заводского начальства сначала успокаивал, что вот-вот, а потом сказал: «Пойдемте». И завел летчиков в цех. И дальше ветеран заговорил со слезами в голосе, да и на глазах, помню, выступили слезы, поползли по морщинам: «А там пацаны за станками лет двенадцати на ящиках стоят... Девчата с кувалдами... Мы заткнулись и больше не торопили...»

И потому, когда я вижу на шествии «Бессмертного полка» портреты людей с медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Труженику тыла» – становится особенно... нет, не радостно, а тепло, что ли... Победу добывали не только солдаты, весь народ можно назвать участником той войны.

Отец Елизаветы Емельяновой, моей жены, Анатолий Федорович, воевал. Ушел на фронт в неполные шестнадцать лет, подделав год рождения. Был высокий, рослый, сибирский парень из знаменитого села Сухобузимское. Был артиллеристом, встретил Победу восемнадцатилетним лейтенантом. Потом всю жизнь прожил с документами, по которым был на три года старше.

У жены хранятся несколько фронтовых писем Анатолия Федоровича. И по ним видно, что это совсем мальчишка, почти подросток. Подросток, который командует взрослыми мужиками, видит смерть и получает пули (был два раза ранен).

Наша семья участвовала в шествии «Бессмертный полк». Мы не обсуждали – идти или нет. Это наш долг.

Увеличили фотокарточки; я раздобыл рейки, распилил кусок ДВП, ошкурил края, а дочки наклеили на них белую бумагу, на бумагу – фотокарточки, ниже красивыми, большими буквами написали – «Емельянов Анатолий Федорович», «Сенчин Петр Платонович».

Прошли в Москве. От Белорусского вокзала до Замоскворечья.

Не знаю, как там было в голове колонны, а у нас – трудно сказать, в середине или ближе к хвосту (людей без всякой метафоричности собралось море) – царила торжественная печаль. Печаль не только по погибшим, а по тому поколению, что уходит... Не было выкриков типа: «Можем повторить!» Иногда пели песни военных лет, но не боевые, а – «Бьется в тесной печурке огонь», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат»... Транспаранты люди несли в основном самодельные, сделанные, как и мой, своими руками.

Очень трогательны (хотя это не то слово, конечно) были старушки, судя по всему одинокие, которые держали в руках просто потрескавшиеся, изломанные карточки. Нет у них возможности сделать, или купить, или где-то взять транспарант, не знают, где увеличивают фотографии. И вот они идут в огромной колонне, медленно, отставая, отходя в сторону, чтоб передохнуть. Дочери, а может, и вдовы солдат...

Поразила моральная и нравственная самоорганизация сотен тысяч людей – а когда мы оказались на Красной площади и Москворецкой набережной, стало ясно, что людей действительно сотни тысяч, – ими, кажется, владело единственное чувство: благодарность к тем, кто отстоял страну. Настоящую благодарность не проявляют бурно, ее не выкрикивают... И еще – всех связывала Память. Даже совсем молодых, даже детей, многие из которых наверняка никогда не видели своих дедов и прадедов.

Оглядываясь вокруг, радуясь в душе, что людей так много, я не мог отделаться от жуткого ощущения огромной утраты: миллионов прервавшихся родов, пресекавшихся фамилий. Одни погибли в боях, другие – во время блокады Ленинграда, третьи – в концлагерях, четвертые – на оккупированных территориях, и так далее, так далее...

В этой толстой книге лишь малая часть историй, рассказов о своих близких, погибших и выживших в той страшной войне, что пришли на сайт «Бессмертного полка». Есть и свидетельства участников – ветеранов войны и труда – но немного. Их, тех, кто победил, всё меньше и меньше.

И тут хотелось бы обратиться к молодым людям, у кого живы бабушки и дедушки. Не обязательно воевавшие, трудившиеся в тылу. Военное поколение – это очень широкий слой людей. Дыхание войны, следы войны чувствовались еще многие и многие годы после Салюта Победы.

Поторопитесь, расспросите старых людей о прошлом, о том, каким было их детство, из чего складывалась их жизнь, какие были радости, разужайте вроде бы малозначительные

мелочи, детали. Всё это окажется очень важно не только для вас, но и для той великой истории нашей страны, что собирается, сшивается из человеческих историй.

Почти в каждом рассказе, вошедшем в эту книгу, есть фраза вроде такой: «Хочу поделиться с вами...» Несколько смущенная интонация, но это правильно – о сокровенном, о родном нужно говорить сокровенно. Тем ценнее ваш рассказ. И каждому – не только тем, чьи рассказы вошли в эту книгу, но и всем приславшим, – хочется сказать: «Спасибо, что поделились. Спасибо».

Часть первая На фронте

На войне как на войне

Сегодня мне 95 лет, я ветеран ВОВ. Во время Великой Отечественной был командиром артиллерийской батареи. Награжден пятью орденами: орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени и двумя орденами Отечественной войны II степени. Имею 20 правительственных медалей, в том числе две международные – от правительств Монголии и Чехословакии.

Марк Маркович Сегаль

Оглядываясь назад, могу сказать, что самое яркое, что было в моей жизни, то, что отложилось в памяти, – это, конечно, Великая Отечественная война.

Она для меня началась буквально с первых часов. В июне 1941 года я уже служил в армии на Украине, был младшим политруком. Наша часть называлась ВНОС (выявление, воздушное наблюдение, оповещение, связь). Мы вели наблюдение за «воздухом» и докладывали начальству о том, в каком направлении и в каком количестве летят самолеты. Стояли мы недалеко от границы с Румынией – союзником Германии.

22 июня – мой день рождения. Я сидел на скамеечке с очаровательной девушкой, говорили о жизни, книгах, строили планы. Вдруг около пяти часов утра над головой – гул. Над нами – низко-низко самолеты с крестами. Война. Я поспешил в свою часть...

В том, что война будет, я не сомневался. И не только я. За месяц до вторжения у меня на руках был официальный документ о том, что война неизбежна. Мы только не знали точную дату. Так что шока по этому поводу не было. Удивило другое: несмотря на то что у нас было

больше боевой техники, технических возможностей, оружия, мы терпели поражение за поражением. И только потом уже появилось серьезное сопротивление. Мы научились воевать.

Уроки мужества

Было ли мне страшно? Конечно! Особенно когда мы попали в окружение, надо было из него выходить, и мы лицом к лицу встречались с немцами. Через каждые десять – двадцать метров шли наши солдаты, переодетые в гражданскую одежду. Мы – на одном берегу, немцы – на другом. Встретились на мосту. Вот где страшно было! Немец увидел меня и радостно так спрашивает: «Desertieren?» Прошло время, и ситуация изменилась, теперь мы наступали.

Если говорить о мужестве, бесстрашии, то уроки такого мужества, иногда отчаянного мужества, нам давали женщины на войне, особенно санитарки.

Марк Сегаль в годы войны

Помню такой эпизод. Мы были в заграждении, немцы от нас – на расстоянии в триста метров, шла перестрелка. Между нами и врагом, чуть не посередине, лежит наш раненый солдат. От нас до него – метров сто пятьдесят. А как вытащить? Светло, не подползешь. И наша санитарка, Галей ее звали, стала на нас кричать: «Почему вы здесь, когда он там раненый лежит?»

И полезла его спасать. Мы ее стянули в окоп за ноги. Объяснили, что дождемся ночи. Солдата спасли.

Разное на войне было. Воевал я на Юго-Западном, Воронежском, Центральном, на 1-м и 3-м Украинских фронтах, был и на Забайкальском фронте. Два моих брата погибли в войну: старший – под Сталинградом, второй – под Ленинградом.

Победу встретил в Праге, 8 мая 1945 года. Знаете, когда мы ехали, нам навстречу шли машины с немцами, румынами, венграми. Там совсем мальчишки были – 16–17 лет. И мы поднимали руки, приветствуя друг друга, потому что обе стороны, хотя и не было никаких официальных актов о капитуляции, знали: война закончилась. В Праге нас встречали цветами. Вы не представляете, какая была радость!

Мы пробыли в столице Чехословакии больше двух месяцев. Даже успели съездить на автомобиле в Австрию и посмотреть Вену. А что? Молодые были, любопытные. Гулять так гулять! Потом нас перебросили на Забайкальский фронт, и войну я закончил в Порт-Артуре, 14 августа 1945 года.

Мексиканский киллер

В мирное время серьезно занялся филологией. Со школы неплохо знал немецкий язык. И когда в плен попадали немцы, то их первичной «обработкой» занимался именно я. Выяснял фамилию, звание, номер части. Языки мне всегда нравились, однако, когда демобилизовался (еще год прослужил в Китае), то первым делом поехал в Москву – поступать в Институт внешней торговли. Опоздал на несколько дней. Председатель приемной комиссии увидел мой орден и сказал: «Идите к министру внешней торговли Анастасу Микояну, он поможет».

А я... не пошел к Микояну и уехал в Ленинград, поступил в Первый ленинградский государственный педагогический институт. Тогда их в Ленинграде было два. Проучился четыре года, окончил вуз с красным дипломом. И в этот момент поступила заявка из Института имени А. И. Герцена – прислать выпускника. Выпускников было трое, но после сложного тестирования выбрали именно меня. Я проработал в пединституте (уже потом он стал университетом) шестьдесят лет, являюсь автором целого ряда оригинальных научных и научно-методических работ и одним из создателей первого в нашей стране учебника английского языка с аудиоподдержкой.

Знаю английский, немного французский, немецкий. Моя специализация – теоретическая фонетика и страноведение (Великобритания и США). Очень долго занимался методикой изучения иностранных языков. В нашем институте была создана лаборатория устной речи – ЛУР. Работа была очень интересная, к тому же она давала возможность много ездить по нашей стране, выезжать на Запад и в США.

Я влюблен в путешествия! «Пропахал» почти всю Европу, неоднократно был в Англии, объездил 20 штатов в Америке. Пять раз был в Израиле, где прошел по стопам Христа.

Путешествия – это новый мир, новые люди. Знаете, в Техасе со мной произошел забавный случай. Возле мексиканской границы заглянул в бар. Кроме меня, там был типичный мексиканец: сапоги, шляпа, усы. Долго меня разглядывал, потом, видимо, разглядывать надоело, подсел ближе. На ломаном английском языке спросил, откуда я. С гордостью ответил: Россия, Санкт-Петербург. Он оживился: в первый раз, мол, вижу русского. Выпили мы с ним. И он вдруг говорит: «Марк, я мексиканский киллер. Убиваю людей за деньги. Но ты, Марк, очень хороший парень, поэтому я убью тебя бесплатно». И мы расхохотались. На том и расстались...

Меня часто спрашивают – хотел бы я эмигрировать? И я всегда отвечаю им так: «Никогда! Здесь – мой дом, город, родной университет. Здесь моя жизнь...»

Марк Маркович Сегаль

Объяснение в любви

О моем папе, Элконине Михаиле Борисовиче (1.11.1924—10.01.2010)

В течение всей своей жизни я пыталась найти ответ на вопрос «Почему мы называли наших родителей поколением динозавров, которое вымирает», причем называли с восторгом, восхищением, уважением. Почти у всех девочек и мальчиков, с которыми я училась в школе, были потрясающе интересные родители. Вначале мне казалось, что это из-за того, что школа привилегированная, единственная в городе английская школа, и народ в ней был соответственный. Но время идет, и я все лучше и лучше понимаю, что дело совсем не в этом. Просто наши отцы 17—20-летними мальчишками по шли на войну и сумели пройти ее, не сломавшись. После войны, в мирное время они чувствовали себя такими счастливыми своим честным, добрым, заслуженным счастьем, что их радостное состояние распространялось на всех, кто был рядом с ними.

В настоящее время много говорят о негативном влиянии войны на характер человека. Пытаются объяснить какие-то травмы психики, которые люди получили на разных войнах. Слава богу, мы тогда ничего этого не знали, а наши отцы излучали такое тепло, словно они пытались «миром дома своего» компенсировать себе страшные годы, которые они провели на войне.

Интересно, что папа о войне рассказывал очень просто, без пафоса. То расскажет, как он научился паковать походную сумку, когда я не могла разумно запихнуть книжки в свой неподъемный портфель, то расскажет, как они держали хлеб свежим, завернув его в бумагу, чтобы до следующей стоянки он, не дай бог, не перестал быть вкусным. С папой рядом хлеб действительно был всегда вкусным. Единственное, что его всегда огорчало, это, если я не доедала хлеб, а оставляла его на тарелке. Он меня не стыдил, но молча доедал за мной.

Они были какие-то другие, наши отцы. Из какого-то другого мира. А уж как самозабвенно любили своих дочек (это, правда, не мешало им любить наших мам!). Их любовь была сильной, доброй. Они ее не скрывали, не стеснялись обнимать и целовать наших мам у нас на глазах. Это казалось нормой, хотя и резко контрастировало со сдержанностью нашей той жизни.

«У тебя какие-то странные родители, — часто говорили мне учителя в школе. — Не ругают за оценки, разрешают проспать пару уроков. Какой ты вырастешь при таком воспитании?» Забегу чуть-чуть вперед и скажу: выросла нормальным, ответственным человеком, прошла через сумасшедший конкурс и поступила на филфак, была не последней студенткой, уже больше 40 лет работаю в том же университете и «сею разумное, доброе, вечное».

Картинка получилась лубочная, но в ней ни слова неправды. Да, любили, любили меня родители до умопомрачения, потом так же любили мою дочь, свою внучку. И ничуть они нас своей любовью не испортили. Наоборот! Когда я начала писать о папе, я вдруг поняла, что в моем восприятии папа и мама были едины, а я была словно в «защитной броне» их любви.

О войне папа рассказывал многое и разное: про то, как часто не успевали подвезти патроны или велели «взять высоту» — домик на железнодорожных путях. А папа издали видел две большие и одну маленькую фигуры. Прежде чем стрелять, он пополз туда посмотреть. Стриков с девочкой спас, а его самого ранило. Но и тут папу спас его ангел-хранитель. Можно не верить в ангелов, но чем тогда объяснить то удивительное везение, которое сопровождало папу по жизни. Я не говорю, что он не видел горя. Много видел: его любимого папу арестовали в 1939 году, а расстреляли в войну. Его могила не найдена, о судьбе ничего не известно, и такая неопределенность хуже самой горькой правды. С 15 лет мой папа стал единственным мужчиной в семье, где остались только его мама и сестра.

И все же у него был какой-то очень сильный ангел-хранитель. Моя бабушка по маминой линии говорила, что «рука дающего никогда не оскудеет». Я долго не понимала, что значит «оскудеет». Бабушка объяснила: «не останется пустой». Так она учила меня не быть жадной. И, словно по бабушкиной поговорке, за любой папин поступок ему воздавалось сторицей. А он любил делиться, отдавать, помогать людям. И тут тоже произошло чудо, вернее, несколько чудес. Хотя папу и ранило, когда он пытался спасти людей из домика на пригорке, и вокруг шел кровавый бой, папин друг сказал ему, что вернется за папой ночью и дотянет его как-нибудь до дороги, где его подберет какая-нибудь машина и отвезет в госпиталь. Друг вернулся, до дороги папу дотянул, машина его подобрала, и в госпиталь папа попал. И снова чудо: в госпитале папе хотели ампутировать ногу, так как уже началась гангрена, но доктор, делавший обход, сказал, что если найдут где-нибудь кислородный баллон, то, может, и получится спасти ногу. Баллон нашли, хоть и не сразу. А пока искали, молодая медсестричка сказала папе, что вы ходит его, что будет бороться и не даст лишить его ноги, пока в городе не найдут баллон. Она не спала несколько ночей, меняя папе повязки, и все получилось. Позднее она рассказала папе, что загадала, что если ей удастся спасти папу от ампутации, то и ее жених вернется с вой ны живым. Так и вышло, словно папин ангел помог и ей. А после этого опять «не оскудела рука дающего», и папа встретил мою маму. Он впервые увидел ее в свои 6 лет, потом в семнадцать встретил ее 21 июня 1941 года на вечере в музыкальном училище, хотел подойти и познакомиться, но она пользовалась слишком большим успехом, и папа решил, что сделает это позже. А следующая их встреча произошла уже в консерватории в конце 1947 года, когда им обоим было по 23 года. Снова папу защитил его ангел. Когда они встретились вновь, папа уже не стал ничего выжидать. Прошло немногим больше года, и родилась я.

Виктория Тюменева (жена М. Элконина)

Вместе они прожили более пятидесяти лет, рука об руку шли по жизни, вместе выступали на сцене: она – пианистка, а он – альтист. Вместе дома растили дочку, потом внучку. Расстались только на девять лет, когда в 2001 году умерла мама, а папа умер в 2010-м. Хочется надеяться, что там они встретились.

Странно, но папа считал, что война ему дала очень многое. На ней он очень многое понял, встретил настоящего друга. Во время войны по-новому высветились его отношения с его сестрой и мамой. Сестра даже «пожертвовала» ему свой аттестат зрелости.

Дело в том, что папа не успел закончить школу и получить аттестат перед войной, а когда он демобилизовался в 1947 году, уже не было времени идти в вечернюю школу и досдавать оставшиеся экзамены, надо было зарабатывать и получать профессию. В консерваторию его

взяли без экзаменов, закрыв глаза на тетин аттестат. В то время пришедшим из армии старались всячески помочь вернуться к нормальной жизни. Так папа и стал музыкантом, поскольку в детстве он учился в музыкальной школе.

Во всех рассказах папы о войне никогда не было ни тени хвастовства, ни намека на героизм, но в них угадывалось его редкое уважение к человеку, любому, неважно, большому или маленькому, главным во всем этом была папина уверенность, что нет ничего на свете ценнее жизни человека.

У него это, видимо, было от его отца. Когда-то мы смеялись, что папа делал много ошибок, когда писал. А он, ничуть не смущаясь, отвечал, что его учили дома бабушка и дедушка (они были учителями), а в школу они с сестрой несколько лет вообще не ходили. Ну я, конечно, засыпала его вопросами: А как это? Почему? Можно ли мне так? И папа рассказал, как он, впервые пойдя в первый класс, вернулся из школы и с восторгом стал рассказывать про то, как они были в школе на линейке вместе со взрослыми пионерами и даже «голосовали» за то, чтобы поймать, посадить и расстрелять самого... – не помню кого, но имя было какое-то исторически известное из окружения Ленина – Сталина.

Его дедушка побледнел и резко сказал: «Ты больше никогда не будешь голосовать за смерть или за увольнение кого-то. Не ты дал человеку жизнь – не тебе ее отбирать. Так же стыдно лишать человека куска хлеба. Запомни это, хоть ты еще маленький!»

С этого дня ни папа, ни тетя в школу не ходили. Папин дедушка считал, что в этой школе ничему хорошему научиться нельзя, раз они отвергают базовые человеческие ценности. В этом он был тверд. Школа, кстати, была знаменитая, немецкая: то ли Петершуле, то ли Аннашуле, но для папиного дедушки это значения не имело.

Много лет прошло с тех пор. Я уже была взрослой, когда однажды вечером папа рассказал мне удивительную историю.

Дело было в самом начале войны. Он воевал на Ленинградском фронте (попал туда, прибавив себе год или два), был на самых страшных фронтах, на Невском пятачке, где боевые действия практически не останавливались. Папа, правда, говорил, что к ночи все затихало, и многие ложились спать, но кто-то дежурил и «держал врагов на прицеле». Жили бок о бок. Папа часто вспоминал запах немецкой тушенки. Когда ветер был в их сторону, то доносился этот запах, и очень хотелось есть.

Михаил Борисович Элконин

О блокаде папа говорил редко. Может быть, потому, что не хотел вспоминать, как на всех ленинградцев свалилось испытание голодом, а он сам, будучи семнадцатилетним мальчишкой, лежал на кровати и ничего не хотел делать. Его мама и сестра буквально «вытолкали» его на фронт, чем спасли ему жизнь. Весь его класс – он учился в капелле и пел в хоре мальчиков – умерли в блокаду от голода, а он с другом, прибавив себе по году, ушли на фронт, были в самой страшной ленинградской мясорубке, оба были ранены, но выжили. Потом друг стал дирижером, а папа вернулся в Ленинград, в свою музыкальную школу, поступил в консерваторию по классу альты и стал музыкантом. Окончив консерваторию, он несколько лет поступал по конкурсу в знаменитый оркестр Ленинградской филармонии и наконец с седьмого раза

поступил и всю свою жизнь проработал в оркестре Мравинского. Папе не все давалось сразу, но он добивался своего. Он мечтал играть в белоколонном зале под хрустальными люстрами, и его мечта исполнилась. Этот оркестр имеет прямое отношение к моему рассказу и той удивительной истории, которую я услышала от папы.

Мы остановились на том, что на Ленинградском фронте по ночам все затихало, и казалось, что все было как в мирной жизни. Папа пошел за куст. Он смеялся, когда рассказывал мне эту историю: «Стою я за кустом и слышу звук струн с другой стороны куста. Оглянулся – немец, такой же смешной, такой же «бесштаный», как и я, в очочках, глаза за стеклами огромные, грустные. Мы с ним встретились взглядами и повернулись друг к другу спинами». После этого папа перестал смеяться, потому что, видимо, хотел объяснить мне что-то очень важное для него. «Понимаешь, – сказал он, – одно дело война, когда враг далеко от тебя, и ты стреляешь, но не видишь, в кого ты стреляешь. Совсем другое дело, когда человек рядом: он такой же, как и я. Не помню, был ли я с оружием, да это было не важно. Я просто повернулся спиной и пошел, не ускоряя шага. Не знаю, почему, – но я был уверен, что он не выстрелит. Я часто потом задавал себе вопрос, мог ли бы выстрелить я. Думаю, что не смог бы. У нас обоих была одинаковая судьба: мы оба мальчишками попали на фронт. В чем мы могли быть виноватыми друг перед другом?»

Папа редко говорил о войне. Казалось, что в этих воспоминаниях скрывался для него какой-то вопрос, а может быть, и ответ. У него была своя философия и очень свои жизненные подходы, отступить от которых он не хотел.

Когда закончилась война и через много лет, когда стали появляться фильмы, где пулеметной очередью звучала немецкая речь, а в фильмах о любви, где кто-то один из пары был немец или немка, никогда и нигде не воевавшие, заканчивались гибелью героев или их расставанием, папа только пожимал плечами и говорил, что ненависть не может длиться вечно. Самое странное из всего этого было то, что папа, несмотря ни на что, любил немецкий язык, говорил, что он очень музыкальный и певучий. Папа любил Германию, Австрию, Вену и Зальцбург. Они с оркестром много раз выступали там. На гастролях в Германии он много бродил по Берлину, любил Дрезденскую галерею. Однажды, приехав с гастролей по Финляндии, он с удивлением сказал мне: «Представляешь, на финском кладбище я видел русские могилы, и гид сказал, что финны за ними тоже ухаживают». Это было ему понятно и близко.

У папы был всегда «мир внутри него». Поэтому меня не удивило то, что случилось потом. Папа был на гастролях, кажется в Дрездене. Перед приездом их оркестра пресса много писала и о Мравинском, и о великой русской музыкальной школе. Даже печатали какие-то довоенные школьные снимки юных музыкантов. По этим снимкам папу, видимо, и узнал его немец. В какой-то вечер после концерта к папе за сцену пришел пожилой немец. Форма его очков показала папе знакомой и как-то всколыхнула его память. «Это ты?» – спросил тот по-немецки. «А это ты?» – спросил папа. «Я тебя узнал по школьному снимку. И вообще, ты не изменился» – сказал немец. У папы с юности была удивительная внешность и очень красивые рано поседевшие волосы.

Слава богу, времена тогда уже изменились. Ведь раньше папу могли бы и расстрелять, если бы об этой встрече стало известно тогда же. Тот парнишка в очках из-за куста тоже стал музыкантом. В тот вечер они много говорили. Говорили о том, что успели сделать в жизни, которую они могли друг у друга отнять. Оба они честно провоевали от звонка до звонка, сделав максимум возможного для своей страны. Но внутри эти люди были абсолютно мирными и мечтали об абсолютно мирных делах.

В этой же поездке по Германии папа нырнул в бассейн в отеле и раненой ногой разбил фонарь под водой. У него из пятки вынули семь или восемь осколков стекла, ровно столько, сколько у папы в ноге сидело металлических осколков от военного немецкого снаряда. Вина конструкторов бассейна было совершенно очевидна, и папе в Германии предложили подать на

них в суд с требованием компенсации. «Господи, если бы вы только знали, как я хочу, чтобы был, наконец, мир в наших странах, – сказал папа. – Не буду я больше ни с кем воевать, а тем более в мирное время». Денежная компенсация могла быть большой, а им в то время платили копейки за концерты. Но это был бы не папа, если бы он ее потребовал. В этом он был весь: не помнил зла, легко прощал, был открыт для добра и больше всего на свете ценил человеческую жизнь.

Папа умер в 2010 году. Ему было 86 лет. Через пару лет у нас в квартире раздался телефонный звонок: звонил внук «папиного немца», сказал мне по-английски, что дед его умер, и что в оставленном им списке людей, которым он просил сообщить о своей смерти, было имя моего папы.

Людмила Михайловна Элконина

Морской конвой и механик Евграфов

Евграфов Виктор Михайлович (1893–1971)

...Мой дед, Виктор Михайлович Евграфов, умер, когда мне исполнилось восемь лет. Перед его гробом несли алую бархатную подушечку с наградами, которую бабушка сшила из какого-то своего наряда. Орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Знак Почета и множество медалей, с ними мне тоже посчастливилось познакомиться при его жизни.

Дед никогда не рассказывал о войне, не вспоминал о подвигах.

Но я-то знаю, что он воевал! Это то небольшое, что мне удалось запомнить из его рассказов: историю про конницу Буденного, где ему посчастливилось бить белых, и про кобылу Мамзель. Я не мальчик, мне скучны описания баталий и даже то, что у дедушки была настоящая пашка, не трогает мою душу. Но его кобыла Мамзель прочно засела в памяти. Именно кобыла – не лошадь.

У машинного люка теплохода «Грознефть», дед – второй справа. 1927 г.

Великорусский оркестр теплохода «Грознефть». 1928 г.

На верхнем ярусе Пизанской башни. Италия. 1933 г.

Сам из рязанских, сын сапожника, дед после полной и окончательной победы большевиков, убрав шашку и попрощавшись с Мамзелью и Семеном Михайловичем Буденным, приехал в Нижний и поступил мотористом на пароход. Позже, в 1926 году, он окончил Ленинградский морской техникум. Каким бравым он был тогда! Какими бравыми были они все! Какое счастье, что у меня осталась папка с пожелтевшими фото, свидетелями того времени!

В 1936 году – последнее фото после долгого перерыва. Ни одного нет до 1948 года. Не до съемок было – война. Начавшаяся для многих в сорок первом, для моего деда она началась раньше. С Испании.

Виктор Михайлович Евграфов. 1937 г.

Ему в 1936 году было уже 43 года – не восторженный юноша. Все просто: возил повстанцам оружие. Когда он уходил в «испанский» рейс, беременная жена – моя бабушка, которой об этом было сказано перед самым отходом судна, – прощалась с ним, словно навсегда. Все знали, что в Испании неспокойно, и недоумевали – что забыли наши сухогрузы в стране диктатора Франко, охваченной огнем гражданской войны? Идти в Испанию было опасно.

Мой дед был в полном смысле слова Дедом, по-судовому выражаясь, то есть старшим механиком. Отвечал за работу судовых систем и механизмов. Дед на судне – второй человек

после капитана, его боятся и уважают. По словам знакомых, моего Деда боялись многократно, настолько же и уважали. Дисциплина у него была железная, как на судне, так и на берегу. Это мы, домашние, имели возможность прочувствовать на себе. Даже я, дедова любимица, не смела ослушиваться и возражать.

Всю Великую Отечественную войну мой дед так и проработал по специальности. Его не пустили на фронт, у него была бронь. В последние дни перед началом блокады жену с двумя сыновьями отправил в эвакуацию и ушел в очередной рейс. Ходил в том числе и северными морскими конвоями.

«Морской конвой – формирование, состоящее из группы передвигающихся по единому маршруту военных кораблей для защиты от неприятеля транспортов, перевозящих стратегические грузы. Конвой сопровождает конвоируемые корабли, которые имеют недостаточную мощь вооружений для самозащиты или совсем не имеют вооружений (транспорты, танкеры, грузовые суда)» – сухо сказано в «Википедии».

Переход из Англии в Мурманск или Архангельск занимал около двух недель, две тысячи морских миль, но какой ценой давались эти мили? Самолетам Люфтваффе требовалось всего полчаса, чтобы подняться с аэродромов Норвегии и нанести удар с воздуха. А под водой не дремали немецкие подводные лодки. Тем не менее этот опасный путь был самым коротким, а во время войны фактор времени был важен для армии как никогда. «RQ» назывались конвои, идущие на восток, в Россию, и «QR» – те, что двигались в обратном направлении. Это был единственный театр военных действий, где бок о бок сражались с фашистами советские, английские и американские моряки. Сегодня, когда во многих странах пересмотрены и переписаны итоги Второй мировой войны, ценность и героизм северных конвоев не подвергается сомнению. Оставшиеся в живых английские и американские их участники у себя на родине до сих пор считаются героями.

Конвои шли в Советский Союз с тоннами ценных стратегических грузов, продовольствия, обмундирования. Каждый шестой истребитель, каждый пятый бомбардировщик для Красной армии, две трети всех грузовиков, локомотивы, железнодорожные вагоны – все это не могло бы появиться без грузов конвоев. Везли они и огромное количество заводского оборудования, деталей, медикаментов. В обратный путь конвои шли из Советского Союза груженые сырьем.

Моряки торгового флота просто делали свою работу, но часто платой за нее становилась жизнь. Погода в северных морях редко бывает хорошей даже летом, а конвои как раз летом и не шли – фактор белых ночей препятствовал обеспечению безопасности перехода. Суровые условия зимы и осени на море заставляли людей постоянно существовать на пределе возможностей. Тысячи моряков, военных и гражданских, нашли последний приют в холодных водах северных морей, ведь температура воды здесь не поднимается выше восьми градусов по Цельсию. При любых обстоятельствах, даже когда рядом тонули товарищи из экипажа разбомбленного сухогруза, невзирая на потери, конвой обязан был идти, не останавливаясь. В этом был залог успеха, только таким образом можно было дойти до порта.

Если первые конвои прошли в пункт назначения достаточно успешно, то последующим пришлось несладко; германское командование быстро сообразило, какое подспорье получает Красная армия морским путем. О трагической судьбе конвоя RQ-17 – самого фатального из всех конвоев – много написано и рассказано. Он был практически полностью разгромлен в июле 1942 года, из 34 судов 23 потоплены. Из состава судовых команд погибли одновременно 153 человека. В связи с возросшей угрозой, правительства США и Великобритании после этого приостановили отправку конвоев. Советскому командованию пришлось срочно увеличивать численность авиации, которая вела разведку, прикрывала конвои с воздуха, наносила удары по базам, аэродромам и силам флота противника в море. Советские подводные лодки разворачивались у вражеских баз и на вероятных путях перехода немецких крупных надводных кораблей.

Только после этого конвой возобновили, причем в составе торговых судов увеличилось число советских сухогрузов. Всего в советские порты прибыл 41 конвой и ушло из них 36. Жертвами врага стали более ста военных кораблей и гражданских судов.

В 1943 году прошел последний северный морской конвой. Но до победы дед продолжал возить в Союз грузы по ленд-лизу, теперь уже из портов Америки во Владивосток. Я и сейчас при случае, когда нужно найти какое-то специфическое слово, пользуюсь дедовым англо-русским словарем, собственноручно им подписанным: «Куплено в Филадельфии, США, 1944 год».

После войны дед пришел домой только в конце 1945 года. Уже бабушка с сыновьями вернулась из эвакуации, а его всё не было. В Ленинграде 9 Мая 1945-го стояла чудесная погода, мой девятилетний папа смотрел, как празднуют и веселятся на набережной Невы люди, но его отца не было среди них. Дед, как опытный механик, в это время в Германии участвовал в демонтаже и приемке оборудования.

Об этом мало пишут и говорят, но, пользуясь правами победителя, мы вывезли из поверженной Германии множество станков и механизмов, вывели большое количество судов. В соответствии с решениями Потсдамской конференции между союзниками был произведен раздел военного и вспомогательного германского флота. В числе прочего в качестве компенсации за утраченные в войну советские суда наша страна получила, например, два парусника, до сегодняшнего дня составляющие гордость русского флота: четырехмачтовый барк «Падуя», переименованный русскими в «Крузенштерн», и барк «Коммодор Енсен», носящий теперь имя Георгия Седова.

Перевозя в Советский Союз немецкое оборудование, дед имел много возможностей вывезти что-то и для себя лично, но я не помню у нас дома каких-то особых трофейных богатств. Никаких тебе сервизов и патефонов, шелков и прочего. Только одни небольшие немецкие часы с боем, неустанно много лет гремевшие на всю квартиру каждые полчаса, приводя в исступление гостей, остававшихся у нас ночевать. Мы же привыкли и совсем их не замечали.

После войны дед еще долго ходил в море, а выйдя на пенсию, перешел на работу механиком-наставником в Балтийское морское пароходство.

На охоте. 1959 г.

...Я сейчас, став взрослой, сознаю, что у деда были две удивительные особенности. Проведя всю жизнь на флоте, он никогда не ругался матом. Во всяком случае, никто из домашних этого не слышал. Ему и не нужно было материться – достаточно просто строго взглянуть из-под очков. Поэтому у нас дома не принято ругаться. Сын рязанского сапожника, он привил нам всем любовь к книгам и собрал за свою жизнь отличную библиотеку. Может быть, я потому и научилась читать в четыре года, что он позволял мне это делать, сидя на кровати в его комнате. Главное было – сидеть тихо, поэтому приходилось читать.

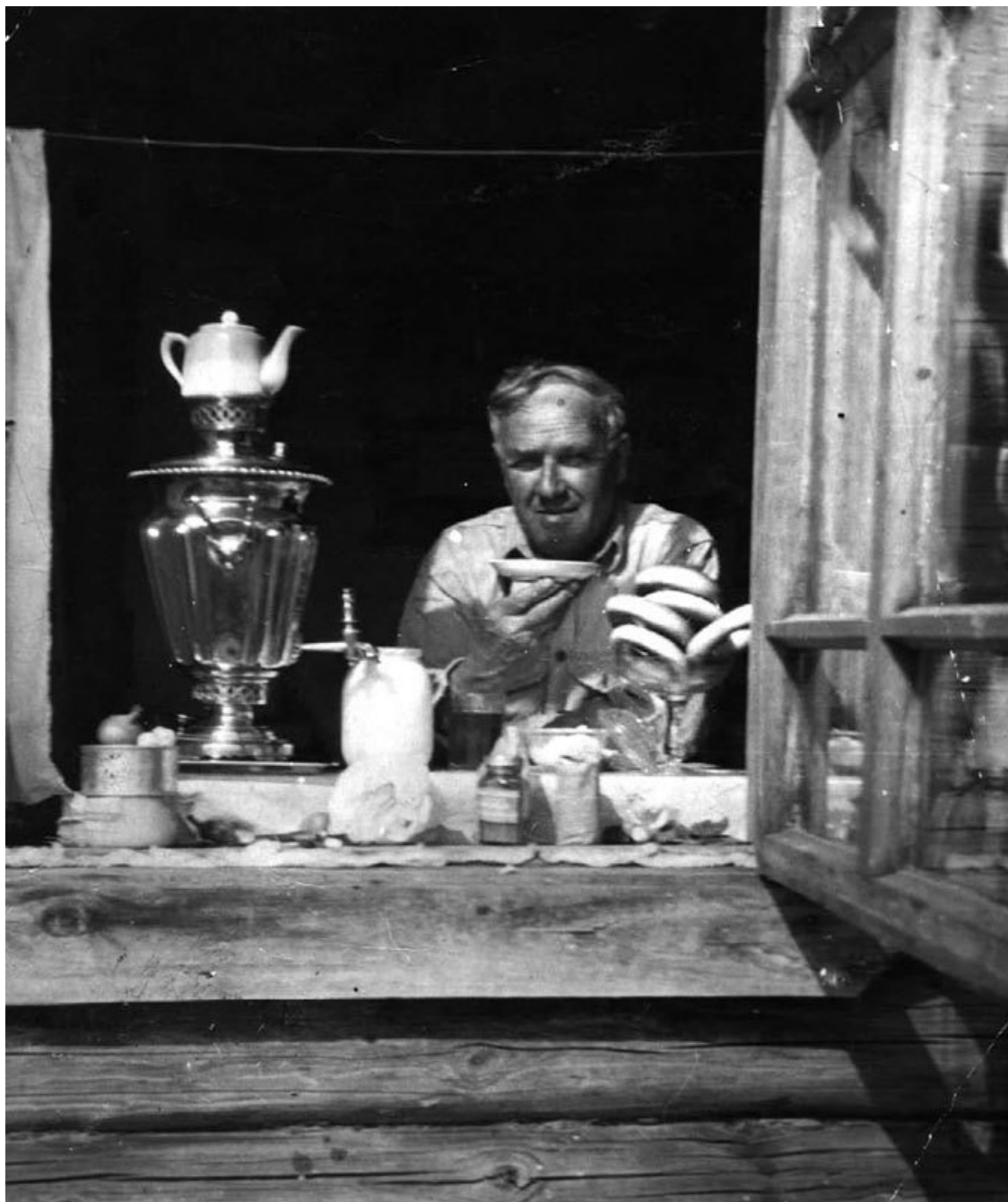
Еще более странно, что, пройдя такой героический путь, удостоившись чести обучать молодое поколение, мой дед не был коммунистом. Несколько раз его вызывали в партком пароходства и настойчиво предлагали вступить в КПСС, объясняли важность и необходимость

этого поступка. Дед никогда не отказывался, он просил время подумать. Думал он долго, до тех пор, пока у встречной стороны не иссякало терпение и его напрямую не спрашивали о принятом решении, разумеется, положительном. Дед смотрел через круглые очки и решительно кратко отвечал: «Подумал. Недостойн». Он не был идейным противником коммунистов, просто жалел время на постоянные партийные собрания и пустые разговоры.

...Я хорошо помню разные его присказки. И скупой смех. И меховую жилетку, в полочку которой я упиралась, сидя на дедовых коленях. Отлично помню его меховую шапку, которую, даже обладая премией в области литературы, затрудняюсь описать: то ли ушанка без ушей, то ли кубанка-маломерок с меховым помпоном на кожаном верхе. Я помню лишь то, что трогало мою детскую душу и интересовало детский ум; например, подарит ли он мне, если хорошо попросить, зеленый треугольный пластиковый кошелечек с кнопочками? Кошелек из пластика он мне, кстати, подарил. Или – что скрывается за дверьми книжного шкафа, помимо старых пыльных книг? И не забудет ли он меня позвать, когда будет набивать патроны? Я же не знала тогда, что мой дед – герой. Мое внимание никто на этом не акцентировал. То есть я никогда в этом не сомневалась, но не осознавала полностью.

В машинном отделении теплохода «Волголес». 1960 г.

На даче. Ладожское озеро. 1960 г.

Я вспоминаю эти мелочи, потому что «Бессмертный полк» – не иконы, несомые на крестный ход. «Бессмертный полк» – еще недавно живые люди, со своими привычками, характерами, проблемами, взглядами. Они жили и любили, веселились и плакали, спорили и работали. Именно они построили многое из того, чем мы пользуемся до сих пор, не задумываясь об этом. И мы помним их не героями, бросающимися на амбразуры, – это все было без нас, в другой их жизни, – а такими, какими они были рядом с нами, в обыденной повседневности.

На дедовых похоронах к бабушке подошел кто-то из представителей пароходства и заговорщицки сообщил, что вскоре ее ожидает большой сюрприз. Бабушка довольно долго ждала и гадала, но даже не приблизилась к истине. «Холодно», – как сказали бы тогда мы, дети.

В 1976 году на верфях Финляндии было начато строительство десяти однотипных сухогрузов класса ролкер, передовых по тому времени судов-контейнеровозов. Все они получили имена в честь судовых механиков, отдавших много лет жизни российскому флоту. В ноябре

1977 года на воду был спущен «Механик Евграфов». До 1996 года он ходил под российским флагом, и наша семья много лет дружила с членами экипажа, мы даже подарили на судно часть дедовой библиотеки. А потом теплоход был продан и ходил под флагами других стран, с другими названиями. Может быть, и сейчас еще ходит, во всяком случае, последнее упоминание о нем, которое я нашла, датируется 2011 годом. Совсем недавно.

Как недавно были и те дни, когда мы сидели с дедом и пили кофе вприкуску с сахаром. И нам казалось, что впереди много времени, провести которое мы сможем вместе.

Юлия Евграфова

Ходил в разведку как на работу

Почти все мои друзья и однополчане из 9-й танковой Бобруйско-Берлинского Краснознаменного ордена Суворова II степени корпуса, в который входила и моя 8-я мотострелковая Бобруйская орденов Суворова и Кутузова бригада, ушли из жизни. Так что записную книжку перед праздниками можно не листать... Да и самому мне уже – 90 лет!

До войны жили мы с отцом и матерью в Ленинграде, на улице Дзержинского (сейчас она вновь называется Гороховой), в доме 39. Летом сорок первого меня, еще четырнадцатилетнего мальчишку, отправили погостить к бабушке в Калининскую область, в деревню Лютово, под Кашин. Началась война – и вернуться в Ленинград я не смог. Остался у бабушки. Работал в колхозе. А летом сорок второго поехал в Кашинский военкомат, просился, чтобы меня взяли на фронт.

Мне сказали: «Молодой, подрасти немножко!» Вновь приехал в военкомат в марте сорок третьего: подрос, говорю. Возраст свой объявил честно: шестнадцать лет. И взяли! Наверное, за честность.

Молодой Осокин

Попал в Московскую школу отличных стрелков снайперской подготовки. Научился метко стрелять. Получил даже благодарность от начальника школы за то, что метко поразил мишени на 500 метров. В сентябре сорок третьего года отправили на фронт.

Разгрузили на какой-то станции эшелон, построили. И при шли «покупатели». Перед строем появились капитан – орденов полная грудь и старшина, тоже с наградами, и начали в разведроту людей набирать. Я вышел из строя. Отобрали туда 30 человек. Предупредили, что это очень серьезно. А оставшихся, не спрашивая, стали отправлять в артиллерийские дивизионы и пехотные батальоны.

Виктор Григорьевич Осокин

В разведроте нас начали усиленно натаскивать. Командир роты капитан Потапов никому спуску не давал. А как иначе? Ошибка – не только твоя смерть, товарищей, но и, возможно, провал операции. Вот смотри: 9-й танковый корпус на каком-то участке фронта входит в прорыв. Какая-то танковая дивизия прорывает оборону противника, пехота прорывает, а мы уже вклиниваемся в прорыв – и уходим по тылам. Взяли «языка» – хорошо. Нет – пришли с какими-то другими сведениями. Тоже важными.

Видишь этот знак – «Отличный разведчик»? Его давали за два поиска. Надо было два раза в тыл к фашистам сходить. Ты спросишь, сколько раз я ходил? Не помню, не считал. Для нас это была обычная работа. Единственное, очень трудно было несколько часов подряд сидеть или лежать, наблюдая за противником. А так...

Награды отличного разведчика

Своими руками «языков» я не брал, хотя и был в группе захвата. Теперь я тебе объясню, как работала наша разведка, чтобы было понятно. А то в современных фильмах иной раз такую чушь показывают: несколько человек – в тыл врага, с пальбой, «языка» обратно притаскивают, параллельно чуть ли не батальон живой силы выбивают! Фантазеры!

Благодарность за Берлин

Сначала шла группа обеспечения – это саперы, которые резали проволочные заграждения, обезвреживали мины. И оставались. Следующей шла группа поддержки, а уже потом – группа захвата. Группа захвата непосредственно брала «языка». Для этого у нас два здоровенных мужика были. «Первым номером» – Уточкин, которого мы прозвали Человек-гора, до

войны грузчиком во Владивостоке работал. Вроде небольшого роста, но силы невероятной. И выглядел как квадрат: что в длину, что в ширину – почти одинаково! Вот он и брал «языков», а мы с Иваном Горшковым были у него «на подхвате».

Что же касается шума... У нас стрельба не приветствовалась, и начальник разведки бригады майор Мазуренко говорил: «Если, ребята, без шухера придете – вот вам честь и хвала!» Так что, несмотря на то что я лучше других стрелял, снайперская подготовка на войне мне не пригодилась. Даже пленных, когда требовалось, не мы расстреливали. Штаб бригады охраняла рота автоматчиков, при ней был комендантский взвод. И его бойцы нам часто выражали недовольство, говорили: «Вот вы с чистыми руками, а нас расстреливать заставляют!»

Одна интересная разведоперация мне все-таки запомнилась. Было это в Польше. Приехали к нам трое представителей ГРУ. Им нужно было пройти в занятый немцами населенный пункт – не помню его название – и вывести в расположение советских войск из костела ксендза. Он был нашим резидентом. К этой операции готовились тщательно. Нам предстояло сопровождать разведчиков, так что трижды мы ходили «на ту сторону» разными путями – выбирали наиболее удобную дорожку. В итоге сопроводили товарищей из ГРУ туда-обратно, и убыли они с ксендзом восвояси. А мы вскоре вновь пошли в прорыв с бригадой.

Кстати, когда бригада шла в прорыв, то мы садились на бронетранспортеры. Так что я еще и бэтээром командовал, если тебе интересно.

Виктор Осокин перед демобилизацией

За что дали два ордена Красной Звезды младшему сержанту Осокину – не знаю. И никто из нас, разведчиков, не знал, за какие там подвиги награждали. Вроде все одинаково работали.

Наверное, за ценную информацию. А была она и вправду – не на вес золота, а на вес жизни! В разведроде процентов сорок личного состава погибло.

Я прошел с корпусом от Белоруссии до Берлина. В столице Германии шли тяжелые уличные бои. Наши танкисты во взятии Рейхстага участвовали!

Вот вкратце и вся моя военная история.

Виктор Григорьевич Осокин

Командир батареи

Мой папа, Афанасий Иванович Арефьев, родился в 1914 году в деревне Абрамовка Московской области. В 1935 году он поступил в кавалерийское военное училище в Москве. Его закрепили за конем по кличке Сиваш, на котором в годы Гражданской войны воевал С. М. Буденный. Маршал не забывал своего коня, навещал его каждую неделю и всегда приносил кусочек сахара. С отцом тоже беседовал, интересовался его жизнью. Вместе с курсантами отец участвовал в параде кавалерийских войск, принимал участие в самом первом физкультурном параде на Красной площади в 1936 году, снимался в массовках фильма о Первой конной армии Буденного, стоял в почетном карауле у гроба Максима Горького в Колонном зале Дома Союзов. Но вскоре училище расформировали и отца перевели в Пензенское артиллерийское училище, которое он окончил в 1939 году. Для продолжения учебы его направили в Московскую артиллерийскую академию.

В то памятное воскресенье 22 июня 1941 года папа вместе с другими курсантами готовился к экзамену по военной химии, вдруг в зал вбежал дежурный и объявил о срочном сборе личного состава в актовом зале. Через динамики они услышали выступление главы советского правительства В. М. Молотова о том, что фашистская Германия напала на нашу Родину. Тогда курсанты приняли решение – просить министра обороны направить их на фронт добровольцами. Курсанты первых трех курсов были сняты с учебы в академии и отправлены на фронт, в их числе был и мой отец.

В начале войны батарея, которой командовал Арефьев, уничтожала тяжелые танки фашистов под Москвой в районе Кубинки и Солнечногорска.

Несмотря на отчаянное сопротивление советских войск, противнику удалось прорвать оборону наших полков.

В Кубинке, расположенной в тридцати километрах от Москвы, полк, в котором сражался Арефьев, удерживал позиции более месяца, отражая атаки немецких танков и пехоты.

22 ноября 1941 года приказом командующего полком, в котором служил папа, по тревоге был поднят в Кубинке и с Можайского шоссе переброшен на Ленинградское шоссе, в район Солнечногорска, где противник имел перевес.

Марш в сто километров совершил их полк ночью через столицу. Москва была заснеженной. На перекрестках улиц стояли металлические «ежи», у каждой заставы каждого человека бдительно проверяли. К рассвету они заняли боевые порядки на окраине города, хорошо замаскировались, но углубиться в землю не успели.

Утром появилась немецкая разведка – мотоциклисты, а также легкие танки. На них было жалко тратить ценные снаряды. Бой предстоял жаркий! Потом пошли тяжелые танки и бронемашин, и по ним велся огонь в течение суток. Весь запас снарядов был израсходован. Дорога, по которой они могли быть подвезены, была перерезана противником. Много было убитых и раненых в этот кровопролитный день, но судьба хранила отца. Нашим пришлось, оставив эти позиции, перейти к поселку Черные Грязи, где остатки батарей А. И. Арефьева соединились со своими.

5 декабря русские войска перешли в наступление под Москвой и отбросили врага на 200 километров от столицы. С утра 7 декабря 1941 года после мощного удара авиации и артиллерии в наступлении под Москвой перешли войска 16-й армии под командованием К. К. Рокоссовского, в составе которых был и полк Арефьева. Так закончилась героическая битва за Москву – первое боевое испытание молодого 27-летнего командира батареи А. И. Арефьева.

За эти бои отец был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Москвы». В одной из частей рядом с батареей отца воевал и сын И. В. Сталина старший лейте-

нант Яков Джугашвили. В другом полку служил сын героя Гражданской войны В. И. Чапаева, который закончил войну в звании полковника.

*А. И. Арефьев.
Жил достойно, служил честно*

Как только враг был отброшен от Москвы, некоторые части были направлены в Крым, где в то время начиналась Керченская операция. Войска десантировались прямо в ледяные воды Керченского пролива и сразу шли в бой. Вместе с моряками Черноморского флота отец участвовал в освобождении Керчи и Феодосии от немецких захватчиков. В Крыму он получил ранение в голову, тяжелую контузию и был вывезен в армавирский госпиталь.

Три долгих месяца он был прикован к больничной койке, потерял слух, от отчаяния хотел застрелиться, чтобы не быть инвалидом, но потом устыдился такого порыва, другим ведь было еще хуже. Его признали негодным к службе, но не уволили из армии, а послали преподавателем в Сталинградское артиллерийское училище. Более тысячи офицеров-артиллеристов было подготовлено для фронта преподавателем тактики А. И. Арефьевым. Постепенно слух полностью восстановился, и он пишет рапорт – рвется на фронт. Конец войны и Победу он встретил в Чехословакии, в составе Четвертого Украинского фронта. Вскоре отец получил приказ явиться в Москву для участия в первом Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. И хотя война была закончена, но служба продолжалась. Он возвращается в Чехословакию, где участвует в становлении Чехословацкой армии в должности военного советника.

И снова командировка – теперь уже в Хабаровск, старшим преподавателем артиллерийского училища. В 1952 году началась война между Южной и Северной Кореей. Северной Корее помогал Китай, Южной – США. Отца направили в Китай вместе с другими преподавателями для обучения китайских военнослужащих. Каждый советский преподаватель обучал пятерых китайцев. За это Мао Цзедун лично наградил отца китайским орденом.

В 1955 году отца перевели в Горький, где он служил заместителем командира мотострелкового полка. В 1961 году он демобилизовался. Затем еще 30 лет работал в тресте Дзержинскмежрайгаз.

Полковник артиллерии А. И. Арефьев начал войну лейтенантом, командиром артиллерийской батареи. Папа всегда говорил, что пройдут годы и всегда, когда вы будете читать или слушать рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, знайте, что в победе русского оружия над немецким есть доля и полковника артиллерии Арефьева Афанасия Ивановича. Он никогда не забудет те бои, когда он – молодой комбат – уничтожал немецкие танки на подступах к Москве, на юге нашей страны.

Среди многочисленных наград, полученных им за успехи в ратном деле, наиболее ценными для него являлись награды за оборону Москвы. Среди его наград – орден Красного Знамени, а также два ордена Красной Звезды, орден Великой Отечественной войны I степени, орден «За боевые заслуги», большое количество медалей – всего 28 боевых наград.

Отец прожил большую и непростую жизнь. Страшные потрясения и испытания, выпавшие на долю нашей страны и нашего народа, пережил и он. Но несмотря на это он всегда считал себя счастливым человеком, потому что жил – достойно, служил – честно, любил – верно.

Татьяна Афанасьевна Арефьева

Предсказание

Мария Мироновна Головина родилась 5 октября 1923 года в селе Яблоковское Каргатского района Новосибирской области. Это родная сестра моей мамы, Мавры, моя тетя. Родные звали ее Маней, Марусей. Впервые я услышала о тете Мане, когда мне было лет 12–13.

Все фотографии в нашем доме, в основном россыпью, хранились в верхнем выдвижном ящике комода, который стоял в спальне – в самой дальней комнате. Я частенько лазила туда одна «посмотреть фотографии». Рассматривала бессистемно, что попадало в руки, пока не надоедало. При очередном просмотре на глаза попала маленькая фотография 2 × 3 см без уголка, с которой смотрела девочка-подросток, и, как мне показалось, почти что я сама.

Побежала к маме, спрашиваю: кто это? Мама объяснила: «Это тетя Маня, твоя тетя, ее уже нет в живых – ушла добровольцем на фронт и погибла». Такое объяснение меня просто ошеломило: ну надо же, так похожа на меня и погибла. Мне стало страшно. С этого момента, как только я залезала в ящик, эта фотография попадалась обязательно. Не могу объяснить почему, но даже фотографии похорон, а их в ящике было немало, не пугали меня так, как эта. Я смотрела в зеркало, на фотографию и с ужасом видела одно и то же лицо. Пыталась маму по поводу этого сходства. В конце концов нервы не выдержали, и я, никому не сказав, порвала фотографию на мелкие кусочки. Хорошо, что мама не показала мне другие фото, на которых была тетя Маня...

Хотя на тех других мы совершенно не похожи друг на друга.

1941 год. Война. Любимого парня забрали на фронт. Долго не раздумывая, Маня решила пойти вслед за ним.

Решение, конечно, не обсуждалось с родителями, а их категорические возражения пропускались мимо ушей. Маня сагитировала подругу, и обе пошли записываться на фронт добровольцами. В военкомате девушки получили отказ – на тот момент им еще не исполнилось 18 лет. Но подруг это не остановило. «Они обивали пороги военкомата, – вспоминала тетя Нюра, – просились на фронт». Она (Анна) в это время работала в чулымском нарсуде, а в военкомате работал кто-то из знакомых. Со знакомым из военкомата договорились, что, как только подруги будут там появляться, их будут грубо гнать взашей. Гнали, но подруги приходили снова и снова. (Эти рассказы своей мамы помнят и Валя Моисеева (Курнаева), и Зина Курнаева). Чтобы добиться своего, Маня приписала себе лишний год. Это не помогло, но в документах приписка так и осталась, поэтому в записи о гибели Марии Головиной значится год рождения 1922, а не 1923, как на самом деле.

Родители безуспешно пытались отговорить дочь от задуманного. Мама рассказывала (а это все происходило на ее глазах), что Фекла просто убивалась от горя. Она плакала, умоляла, просила образумиться, пожалеть родителей. Она даже решилась пойти на крайность: раскрыть семейную тайну прошлого, сокрытие которой, по всей вероятности, нелегко далось ее отцу Миرونу. «Я пойду в военкомат и скажу, что ты – дочь кулака», – как-то в отчаянии пригрозила мать. Маня ответила: «Только попробуй, я тогда вообще уйду из дома».

Маня не воспринимала душевного состояния родителей, она, наоборот, была на эмоциональном подъеме, одержима своей целью как можно быстрее попасть на фронт и обязательно в ту часть, где воюет «дорогой друг».

Массированная агитация девушек и призывы идти добровольно на фронт громить врага и защищать свою Родину, не щадя жизни, прежде всего находили горячий отклик в сердцах именно таких неутомонных, рвущихся к подвигам натур. Но это только часть причины неумолимого рвения на фронт. А в первую очередь – любовь, какой, по мнению многих, не бывает на свете, настоящее взаимное чувство, а не легкомысленная выходка девочки, за которую она поплатилась своей жизнью, как это принято было считать в родне.

Как мы недавно выяснили, 5 октября 1941 г. Мане исполнилось 18 лет, а 28 февраля 1942 г. она приняла присягу. Еще до призыва Мария Головина закончила в Новосибирске снайперские курсы. Каким-то путем Маня осуществила задуманное, оказавшись в одном полку со своим любимым парнем.

Это был 10-й воздушно-десантный Гвардейский стрелковый полк 3-й Гвардейской стрелковой дивизии. Маня начала службу рядовым стрелком-снайпером, а «любимый парень» был у нее непосредственным командиром (какого уровня – неизвестно). Маня была бесстрашна, но в то же время внимательна, осмотрительна и сообразительна. Вдобавок к этому она хладнокровно и метко стреляла. Ее посылали на самые сложные и ответственные задания (и в паре, и в одиночку), с которыми она блестяще справлялась.

Про Марию Головину, как про доблестного бойца, отличившегося в боях, было две передачи по новосибирскому радио. Наверное, для поднятия духа на фронте и в тылу подобных передач в то время делалось немало, но прозвучать дважды – это чего-то стоит! Родственников оповещали заранее о времени эфира. Мама слышала эти передачи.

Свои 19 лет Маня встретила на фронте. А 20-й год в ее судьбе был отмечен на небесах каким-то особым знаком. Давно, когда она была совсем маленькой девочкой, произошел случай из разряда мистических. Мама рассказывала (эту фразу помню дословно), «тогда ходили по деревням и предсказывали судьбу». Света помнит из рассказов, что это была нищенка, которой маленькая Маня подала милостыню. Неважно кем, но судьба была «озвучена», что, как объясняют ясновидящие, увеличивает вероятность реализации плохого варианта: «у этой девочки самым трудным и тяжелым будет 20-й год жизни, если она его переживет, то дальше будет жить хорошо и долго».

Знала ли Маня об этом предсказании? Придавала ли этому значение? Зато родители помнили, верили и, конечно же, переживали.

Верующая и набожная Фекла постоянно молилась за жизнь дочери, а последний месяц ее 20-го года она, в нетерпении, чтобы быстрее прошло время, отсчитывала каждый день. Мама с такой печалью и трагизмом об этом рассказывала, что у меня до сих пор при воспоминаниях возникает сложившийся еще в детстве образ Феклы, отрывающей листки календаря. Хотя я только сейчас задумалась, а были ли в рассказе и в жизни в 1943 году отрывные календари?

Мама вспоминала нетерпеливые слова Феклы: «...вот уже три дня осталось...» (до дня рождения), «...вот уже день остался...», «...вот день рождения...», «...вот уже один день прошел...» (после дня рождения). Уже после дня рождения от Мани пришло письмо, даже, кажется, не одно. То ли на них не стояли даты, то ли на них не обратили внимания, но эти письма окончательно успокоили родителей. А еще через какое-то время пришло письмо, но уже не от Мани, а от ее друга и командира, в котором он извещал о ее гибели. Пророчеству суждено было сбыться самым ужасным образом. Оказывается, Мария Головина погибла 2 октября 1943 года – за три дня до своего 20-летия...

Про это несохранившееся письмо от командира я слышала не раз. Что оно было не просто сообщением о смерти, а большим и подробным, с описанием того, каким отличным бойцом была Мария, как она погибла, где похоронена. В письме было зарисовано место захоронения, указаны ориентиры, количество шагов.

Письмо пришло, вероятно, в самом конце декабря или в январе 1944 года, так как известно, что Манин отец Мирон умер 24 декабря 1943 года, так и не узнав о гибели дочери. Да, роковым годом и для Феклы оказался 1943-й. Не дай Бог таких переживаний.

«Дорогой друг» – Марусин командир – прошел всю войну и вернулся, судя по всему, не в Чулым. Из неоднократно слышанных рассказов запомнилось, что он откуда-то приезжал в Чулым специально, чтобы навестить Маниных родных и рассказать им о ее фронтовой жизни.

Он провел у родственников целый день и весь день рассказывал. Мне кажется, что сам факт приезда и его цель лишний раз говорят о серьезности отношений, порядочности и не

проходящей горечи от случившегося. Приехать по прошествии двух лет с момента «безвозвратной потери» – значит, у человека оставалось либо чувство вины и долга (ведь ради него она оказалась на фронте), либо потребность еще раз говорить о любимой девушке.

Мария Головина. Не дожидая трех дней до двадцатилетия

Именно с его слов известно о бесстрашии Мани, ее способностях, сложных заданиях, которые ей поручали, об ее умении ничего не бояться и лезть на передний край и т. д. Жалко,

что все это вместе с зарисовкой места захоронения куда-то кануло, и остались только общие слова, а из целого дня рассказов я слышала только рассказ о последних часах ее жизни.

Накануне очередного задания вечером Маня была необыкновенно возбуждена. Она без устали весь вечер плясала и пела под гармошку, что называется, не сходила с круга, как будто предчувствовала, что это ее последний в жизни выход. Потом вдруг остановилась, выругалась, произнесла: «Эх, батя, батенька, ты мой...» – назвала по имени отца и мать, расплакалась и ушла. Командир каялся, что в таком состоянии Маню нельзя было отпускать на задание, – а он отпустил, что по опыту войны давно уже была известна «примета»: если человек накануне ведет себя нестандартно, нервничает, беспокоится, не знает, куда себя деть, – это верный признак того, что завтра с задания или из боя он не вернется. Такое поведение объяснялось людьми, которые видели смерть на каждом шагу, «предчувствием смерти», и никого не удивляло. Это «что-то» явно присутствовало в поведении Мани в тот вечер, но не пустить ее или заменить, хоть это и было в его власти, командир не мог. Его тут же обвинили бы в особом отношении к любимой девушке. Последствия таких нежностей на войне были самыми жестокими.

Мария погибла на следующий день. Фразу «ее убил немец-кукушка» я слышала много раз. И пояснения: «кукушки» – это немецкие стрелки, которые сидели замаскированными на деревьях и подкарауливали русских солдат.

До недавнего времени никто не сомневался в правильности семейного предания: «Мария ушла на фронт добровольцем и погибла в 1943 году на Курской дуге...» Пока Света не открыла выложенную в Интернете Книгу Памяти призывавшихся из Новосибирской области и не увидела отсканированный бланк «Приложение № 44356 безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 10 воздушно-десантного Гвардейского стрелкового полка 3-й Гвардейской стрелковой дивизии», сохранившийся в архивах. На этом бланке 8-й строкой сделана запись о гибели Головиной Марии Мироновны, до призыва проживавшей по адресу: Новосибирская обл., г. Чулым, ул. 1-я Урманская, дом № 5.

Светлана Николаевна Заика

Последний ветеран полка

26 ноября 2016 г. Григорию Васильевичу Юркину, активному участнику обороны Ленинграда, исполнилось сто лет

Снайпер первого разряда

Уроженец деревни Леонтьевской Вологодской области, Григорий еще подростком приехал в Ленинград и поступил в фабрично-заводское училище, окончив которое, стал слесарем-сборщиком на заводе имени Карла Маркса.

Григорий Васильевич Юркин. 1933 г.

На заводе Юркина приняли в комсомол и отправили в школу снайперов при Выборгском райсовете Осоавиахима. (Общество содействия авиации и химии, чьи кружки и школы были чрезвычайно популярны. – *Примеч. авт.*) Получив звание снайпера первого разряда, Григорий на заводе оборудовал тир и начал готовить «ворошиловских стрелков». В 1937-м его призвали на службу в полк МПВО, состоявший из инженерного и противохимического батальонов. Полк был предназначен для ликвидации последствий воздушных нападений противника.

Взвод Г. В. Юркина в полковой школе. 1938 г.

А в октябре 1940-го отличник РККА, старший сержант Григорий Юркин уволился в запас и покинул расположение полка, ставшего теперь 4-м Отдельным инженерно-противохимическим, к тому же – НКВД СССР. Домой возвращался с шиком – на собственном велосипеде (мечта всей молодежи тридцатых годов!). Это была награда за отличные успехи от комполка Ивана Антиповича Сидорова.

На родном заводе Юркина встретили как героя и сразу же назначили бригадиром слесарей в родном цехе.

Задание Ленфронта

Встречая новый 1941 год в компании дяди Саши Савинского, его сыновей и знакомых, Григорий познакомился с милой девушкой – Таней Вуколовой. Стали встречаться. Все шло к свадьбе, но... началась война.

Прослушав по радио выступление Молотова, Юркин отправился в свой полк и попросил письмо для военкомата с просьбой направить в родную часть... Вскоре перед строем вновь сформированной 2-й противохимической роты комбат Матвеев представил солдатам их рот-

ного старшину. Роту разместили вместе со штабом батальона на Международном проспекте (так тогда назывался Московский проспект), между Обводным каналом и Смоленской улицей. Сначала – в школе. Потом бойцы обустроили неподалеку землянки в два наката.

В декабре 1941-го на полк возложили страшную задачу: захоронение умерших от истощения ленинградцев. На Пискаревском кладбище саперная рота готовила траншеи, а рота Юркина укладывала в них трупы.

В течение трех месяцев ежедневно в шесть часов утра бойцов вывозили на машинах в район станции «Пискаревка». В промерзшей земле пиротехники загодя сверлили лунки, закладывали взрывчатку, взрывали почву. А с утра саперы, ломami и лопатами выламывая полтора-метровый слой земли, рыли длинные – до ста метров – траншеи. Солдаты противохимической роты укладывали в них трупы. Это был неимоверно тяжелый труд – в сильный холод переносить замерзшие тела.

Десятилетия спустя в руки председателя совета ветеранов полка Г. В. Юркина попадет выписка из секретного отзыва управляющего трестом похоронного бюро Чайкина о работе 4-го инженерно-противохимического полка войск НКВД по выполнению задания Ленфронта. Оказывается, ими было вырыто вручную 70 траншей, каждая шириной 2,5 метра, глубиной 2,5 метра и длиной – 80-100 метров. Подорвано 4000 погонных метров мерзлого грунта. Уложены и зарыты 286 945 трупов. Привезено с помощью транспорта полка на кладбище 19 000 трупов. Кроме этого, бойцами было оборудовано на военном кладбище 260 могил...

Новогодний подарок

Тогда же ему было не до подсчетов. Из-за нехватки горючего в казармы на Международный проспект вечером возвращались пешком. Через весь город. В тридцатиградусный мороз! Многие по дороге умирали. А случалось, умирали прямо на Пискаревке, в траншее, с лопатой в руке. Так что Юркин знал: среди первых жертв, принятых кладбищем, – его однополчане.

По нормам тех дней солдатам полагалось по 300 граммов хлеба на человека в день. Но из-за нехватки продуктов давали по 150. Еще по 75 граммов сухарей давали на ужин.

...Вечером 31 декабря рота, как обычно, возвращалась с кладбища пешком. В батальоне бойцов ждал приятный сюрприз: на их землянку, в которой размещались десять человек, в честь наступающего 1942 года выдали целую банку шпрот. Открыли – получалось по рыбе на брата. Решили банку разыграть. Чтобы хоть один поел досыта. Сказано – сделано. Нарезали десять листочков, один пометили крестиком и сложили в шапку.

Шпроты выиграл пожилой солдат Павел Касаткин, работавший до войны на одном из ленинградских заводов. Чтобы не видеть, как он будет уничтожать такое огромное, по блокадным меркам, количество еды, Григорий лег на нары и зарылся лицом в подушку. Остальные проигравшие последовали его примеру.

А Касаткин, повозившись над столом, вдруг громко скомандовал:

– Кончай ночевать! Давайте все за стол.

Юркин повернул голову: на столе лежали десять кучек сухариков, и каждую украшала рыбка.

– А вы что решили? Один все слопаю? – обиделся рабочий. – Не желаю такого позора перед товарищами.

...Этот случай Юркин вспомнит 17 февраля, когда на Пискаревке будут хоронить умершего от дистрофии Павла Касаткина. А когда после этой страшной зимы в роте из 160 человек в живых останется лишь 45 бойцов, в нем сформируется и окрепнет единственное желание: отомстить фашистам лично. За Касаткина, за Савинского. Возможно, и за Таню Вуколову, о которой он не имел никаких известий. За всех, кого приняла эта промерзшая земля.

Учебный сбор

...В мае 1942 года Военный совет Ленинградского фронта издал распоряжение об организации и обучении в частях и соединениях команд минометчиков, бронебойщиков, автоматчиков, истребителей, снайперов. В полку срочно организовали учебный сбор. Руководить подготовкой снайперов назначили старшего сержанта Юркина. А кого же еще? Он же выпускник снайперской школы!

Старшему сержанту выдали четыре винтовки без оптических прицелов. Но чтобы старшина роты да чего-то не нашел! Отыскались прицелы, только установить их без специального оборудования невозможно!

Юркин отправился на родной завод, где ему и помогли установить оптические прицелы на трехлинейки. Теперь осталось обучить бойцов.

Первый же выезд группы Юркина стоил противнику 60 солдат и офицеров. Приехавший проверить работу снайперов комполка Сидоров удивился такой результативности и хотел наградить старшего сержанта трофейным «вальтером». Однако выяснилось, что таких прав у полковника нет. Но Юркин не расстроился, он был вполне вознагражден приятной новостью: Таня Вуколова жива и служит в роте разведки и наблюдения 32-го батальона МПВО. С любимой все в порядке, фрицы свое получают. Да шут с ним, с этим «вальтером»!

Спал... на взрывчатке

В конце войны лейтенанта Юркина назначили начальником физподготовки полка. Жить Григория определили к офицерам в небольшой двухэтажный дом на Тележной улице, в комнату к пиротехнику Ивану Трофимову. Оба были рады, потому как подружились еще на «срочной», в 1939-м. Перенеся свой нехитрый скарб, Юркин присел на диван. Старые друзья разговаривали о скором конце войны, о разминировании пригородов – непосредственной работе Трофимова.

– Теперь ты, Гриша, можешь всем говорить, что сидел на бочке с порохом, – улыбнулся пиротехник. – Под этим диванчиком, на котором, кстати, и спать будешь, уложены мины, гранаты, взрывчатка. В общем, все необходимое для занятий с моими подчиненными.

Юркин непроизвольно вскочил с дивана, но товарищ, положив руки на плечи, решительно усадил лейтенанта на место:

– Гриша, успокойся. Если все это рванет, ничего почувствовать не успеешь. От дома одни развалины останутся, а от нас – и клочков не соберут.

Спокойствие друга не сразу передалось Григорию Васильевичу, но со временем он привык спать на взрывчатке. Только через два года Юркину предоставили комнату. Тогда они с Татьяной Вуколовой и смогли пожениться. Судьба им отмерила почти шестьдесят лет счастливой совместной жизни.

Хранитель музея

Шли годы. Юркин окончил физкультурный техникум, школу тренеров при Институте физкультуры имени П. Ф. Лесгафта. А в 1959-м мастер спорта по пулевой стрельбе, помначштаба полка Г. В. Юркин уволился в запас и стал тренером по стрелковому спорту в спортобществе «Динамо». Но связь с родной частью не прекращал, работал председателем совета ветеранов полка, избирался членом президиума Ленинградского облсовета общества «Динамо»,

возглавлял клуб мастеров спорта. И... увлекся фотографией. Даже в другие города со спортсменами выезжал. Его снимки печатались в газетах, книгах, экспонировались на выставках.

Григорий Васильевич Юркин

До весны 2014-го Юркин был ангелом-хранителем музея «Динамо». После развала Союза сам себя объявил «мобилизованным и призванным». В оставшемся за клубом небольшом кинозале и кладовке Григорий Васильевич собрал фото- и киноматериалы, призы, дипломы, кубки, медали и не только все сохранил – оборудовал музей спортивной славы «Динамо», ежедневно приезжая на работу из своей небольшой двухкомнатной квартиры, расположенной в доме у Серебряного пруда.

Тут, в Лесном, началась его ленинградская биография. Тут она и продолжается. Сравнительно недалеко до Пискаревского кладбища, где вечным сном спят многие его боевые това-

рищи и куда капитан Юркин часто приходит, чтобы почтить их память. И справедливо, что осенью 2014 года, после окончания ремонта гранитной чаши Вечного огня, именно последний ветеран полка, один из первых снайперов Ленинградского фронта Юркин вновь торжественно зажег Вечный огонь.

...Когда-то на заводе мастер цеха подвел Юркина к верстаку и, показав на тиски, сказал, что на них работал слесарь Леонид Кмит, которого вся страна знает как исполнителя роли ординарца Петьки в знаменитом фильме «Чапаев». Так что – трудись, парень, может, и ты станешь знаменит.

Сам Юркин знаменитым не стал. Высоких чинов и званий не получил. Но сохранил память о многих достойных людях. А это – самый настоящий подвиг, пусть и гражданский. И мало кто на такой способен...

Виктор Кокосов

«Как я ходил в партизаны»

Родился 19 ноября 1929 года в деревне Александрово Дмитровского района Московской области. Отец – Герасим Сергеевич (1904 г. р.) до войны работал в артели (делали костяные изделия). Пропал без вести в 1942 году. Мать – Александра Ивановна (1900 г. р.) родилась в деревне Пруды, а замуж вышла в деревне Александрово. Всю жизнь проработала дояркой на ферме, вырастила четверых сыновей.

Когда война началась, мне еще и 12 лет не было, но я дружбу вел с комсомольцами – Виктором Бабарсковым, Иваном Хохловым и другими ребятами. Немцы в деревню пришли, и нам нельзя было дома оставаться – сразу расстрел. У немцев уже были списки актива деревни. Даже могилу у деревни Дубки заставили жителей выкопать, поэтому комсомольцы и решили уходить из деревни, и я с ними.

Когда вышли из дома, в это уже время двое немцев на лошадях въезжали в деревню. Они ехали вдоль огорода Бабарскова Николая Васильевича. Нас увидели, стали стрелять. Мы побежали к реке, а ноябрь 41-го был очень холодным, и река Яхрома уже замерзала, но лед еще тонким был. Нам по льду пришлось ползти. Переползли и через лес пошли в направлении деревни Говеново. Там наши были, мы им все рассказали. Они нас по очереди расспрашивали, а потом разрешили идти дальше. Ночью пришли в деревню. Насадкино, к тетке Ивана Хохлова. Там переночевали и утром ушли в сторону канала. Везде колючая проволока была, заграждения разные. Мы все перелезали. Дошли до канала, перебрались через него и пошли на Загорск. Кругом лес, самолеты. Ребята все постарше меня были, а я ногу натер, не мог идти, решил домой возвращаться. А ребятам нельзя – иначе расстрел. Они дальше пошли, а я – домой.

Михаил Герасимович Сморчков

Заплутал, вышел в Дмитрове. Там немцев не было. Встретился мне Иван Орешкин, предложил остаться, а я – нет, домой надо. На дороге везде немцы, пошел лесом, да опять заблудился, вышел уже в Барсучьи Норы, там партизаны стояли. Хорошо что среди них был Николай Сухов – узнал меня. Допросили меня очень строго, потомпустили. Я к деревне своей подошел, а войти боюсь – немцы кругом. На стане были лошади, вот я к ним и подкрался

и стал вроде возле них заниматься. Я маленький был, немцы не заподозрили, так и прошел в деревню. Наша семья жила тогда в центре села, и весь фронт здесь проходил. Когда наши уходили – хотели деревню сжечь, но не успели, сожгли только три дома. И немцы, когда их гнать начали, тоже хотели все сжечь. Да мать Шуры Орешкиной в ноги упала, выть стала, они только сарай подожгли и ушли. А бои у нас сильные были. Шла кавалерия с пристани именно по нашей дороге. Это сибиряки были – в полушубках, красивые. Жертв много было. Деревню освободили, а я еще даже 6-й класс не закончил, но пришлось идти работать в артель сапожников. Нам давали 400 граммов хлеба в день. Сначала занимались ремонтом сапог, потом и шить научились... Долго там работал, в конце войны перешел на ферму...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.